

ТЕРЕЗА ТУР

Две
ЧИСТОТЫ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т86

Иллюстрация на обложке *Л. Совы*

Тур, Тереза.

Т86 Фея чистоты / Тереза Тур. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-165391-0

Всегда хотела побывать в Лондоне. Но никогда не думала, что окажусь там, свалившись со стремянки, куда забралась, чтобы повесить шторы. Не просто в Лондоне, а в одном из его отражений. И понеслось. Я — горничная, хотя уборку ненавижу всем сердцем. Рядом со мной самая настоящая фея, за которой охотится Джек Потрошитель. И даже этих двоих можно пережить, если бы не хозяин поместья, где я служу. Человеко-джентльмен. Он загадочен и хорош собой. И страшно меня бесит. И как выпутаться из всего этого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165391-0

© Тур Т., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

— Да будет так! — торжественно провозгласил судья, стукнув молоточком.

Звук растворился в воздухе. Черная мантия, парик буклями, красные лоснящиеся от пота щеки, маленькие поросычьи глазки смотрят пристально, словно ждут чего-то...

То есть я, конечно, знаю, чего они ждут. Ждут, что я сорвусь. Прямо во время суда возьму и выкину что-нибудь этакое.

Глубоко вздохнула, встала и поклонилась.

— Да будет так.

Я смогла изобразить смирение только потому, что знала: судью подобное поведение точно выведет из себя.

Гад! Мерзкий... свин!

Хочет объявить невменяемой, чтобы оформить опекунство, на которое в случае попадания на территорию Ганглии, кроме специальных служб, имеют право мэр и главный судья. Меня хорошо просветили, какая участь ждет молодых женщин при таком раскладе.

Настоящее... Средневековье! Инквизиция! Ну, почти... Я с ненавистью окинула взглядом деревянную клетку.

— Ба-ам! — еще один удар молоточком.

— Решение принято и обжалованию не подлежит!
Заседание окончено!

И тут...

Потрепанный, не очень свежий парик главного судьи... хрюкнул?

— Хр-р... Хр-р... У-и-и!

Представители прессы замерли от восторга. Руки судьи медленно стали подниматься. Лорд притих, словно охотник: парик надо было схватить быстро, пока он...

— Хрюк!

Нечто ярко-розовое соскочило с головы лорда и помчалось прямо по спинам нырнувших под черную ткань фотографов!

— Щелк!

— Фух!

— Пах!

— Прошу вас, прокомментируйте происходящее!

— Ваш парик. Он ожил?!

— Это колдовство?

— Вы утверждали, что скользящая по отражениям, попавшая к нам из другого мира Энн Файер не обладает магией. Вы признаете, что ошиблись?

— Не удовлетворяю! Запрещаю! Не имеете права! Суд выражает протест! — визжал лысый лорд, с ужасом наблюдая, как по столам и лавкам скачет живой розовый поросенок, а журналисты сходят с ума.

Я опустила голову. Терпеть! Сейчас главное — не рассмеяться, иначе судья расвирепееет, отменит решение, и тогда уж мне точно конец!

— Крак!

Деревянная клетка рухнула, а мне на руки прыгнула розовая кудлатая хрюшка.

— Привет! — шепнула я и спрятала крошку в складках платья.

Дрожащими руками судья Говард вытирал сияющую от пота лысину, от которой шел едва заметный парок. Умаялся бедолага, меня, непутевую, обвиняя.

Вспышки слепили со всех сторон. Камеры журналистов были тяжелые, с гофрой, штативами и черной тканью, под которую они чуть что ныряли с нечеловеческой быстротой.

— Во-о-о-он! Все вон из здания суда! Заседание окончено! — кричал лорд Говард.

Бедняга уже видел себя на первых страницах газет, пестрящих громкими заголовками: «Парик-убийца — проклятье фей?», «Колдовство в здании Высшего суда!», «Что случилось с лордом Говардом, или Дело о хрюкающем парике!»...

На господина Хатроу, адвоката, выписанного городом, чтобы помочь мне, несчастной, было больно смотреть. Мы успели подружиться. Молодому человеку не везло: едва начал практику, и уже три проигранных подряд дела. Неудивительно. Уилл Хатроу — порядочный, честный человек. Таким не просто в Дан-Лане, колыхали лжи и коррупции.

— Пойдемте, — вздохнул Уилл. — Вам необходимо получить документы. Удостоверение личности. Лучше подождать в коридоре.

Я кивнула, подобрала юбку, к удивлению обнаружив, что поросенок исчез. Жаль. Он был такой потешный!

Мы вышли из зала суда в сопровождении констебля. Настоящего! В черном мундире с сияющими пуговицами и шлеме, похожем на яйцо. Как тут не вспомнить Шерлока Холмса?

— Спасибо, — улынулась я великану с непроницаемым лицом (вот она — старая добрая Англия!).

— Простите. Простите, что так вышло, Энн, — не унился Хатроу.

— О чем вы? Мы избежали опекуна — разве не чудесно?

— Вы, Энн... Это сделали вы! Вы доказали, что у вас есть магия, превратив парик судьбы в поросенка.

— Глупости! О чем вы, Уилл? У меня нет никакой магии!

— Вы спасли себя и меня заодно. А я... Я никчемный. Совершенно бесполезный чурбан.

Парик Уилла был красивого шоколадного цвета, длинный, до самых плеч. Под ним рыжеватые волосы, стянутые в хвост. Хатроу был очень симпатичным: его чуть вытянутое лицо чем-то напоминало Николаса Кейджа. Глаза карие, грустные. Сейчас, правда, он напоминал не столько всеми любимого актера, сколько спаниеля, которого не взяли на прогулку. С другой стороны, Кейдж тоже часто мне его напоминает (в смысле, спаниеля).

— Перестаньте убиваться и возьмите себя в руки, Хатроу! Меня же не грохнуть приказали, в конце-то концов!

— Как можно, Энн, да хранят феи королеву! Зачем вас ронять? Вы и так с лестницы упали — нога еще не зажила, прихрамываете.

Что правда, то правда. Полет со стремянки даром не прошел. Я, правда, не это имела в виду, но... Промолчу, пожалуй. На бедняге и так лица нет!

Мир, куда я попала, был одним из отражений Лондона. Почему не Москвы, где я, собственно, и свалилась со стремянки, — этот вопрос до сих пор остается неразрешимой загадкой, а ведь я здесь уж без малого как месяца три. Наверное, потому, что попасть в Лондон было давней мечтой. Темза. Викторианская Англия, кебы, туманы, Джек Потрошитель — романтика!

Тех, кто проникал сюда, именовали «скользящими». Как именно человек вдруг попадает в Зазеркалье, этого никто, по мнению Уилла, не знал, но кое-что о последователях Льюиса Кэрролла жители Дан-Лана все же выяснили опытным путем, а именно: отражения наделяли «попаданцев» магией. Непредсказуемой и неконтролируемой, но в большинстве случаев, как это ни странно, безопасной. Жаль, что не в моем случае. Интересно, как это — обладать настоящей магией?

Во всех отражениях (наш мир, между прочим, не исключение — так здесь считают) водятся феи. Да-да, именно «водятся». Фей боятся. Они обладают очень сильной магией, из-за чего жители королевства вечно у них в долгу.

Подданные Ганглии в большинстве своем слепо следовали букве закона, и это при том, что судебный порядок был более чем жесток. Один прокурор чего стоит! Если судья, лорд Говард, был похож на свинью, то тот — на шакала. Оба обладали властью.

По решению суда меня отправят подальше от подобных «блостителей порядка» — и на том спасибо. Жаль, придется расстаться с Уиллом. Прокурор просил для меня полной изоляции (сволочь!), судья же был другого мнения. Непрозрачно намекнул, что с таким феноменом, как я, ему необходимо познакомиться поближе и погоризонтальнее.

Гад! Мерзкий свин, не в обиду ожившему паряку будет сказано.

— «Год под надзором», — прочитала я, получив наконец все необходимые документы. — «В качестве...» Что?! Горничной? — Я не выдержала — рассмеялась.

Уилл, видимо, решил, что это у меня нервное. Отчасти он был прав: сказывалось напряжение последних дней, но... горничная?

— Ха-ха-ха-ха... Ой, не могу... Ох-х... И... И что ж я делать-то теперь буду, а?

— Вас это угнетает?

— Угнетает? Именно. Именно угнетает, Уилл... Господи! За что?! Ну что я тебе такого сделала, а?

Я подняла лицо в свинцовое небо Дан-Лана, всей грудью вдохнув свежего воздуха: мы вышли наконец из душного здания! Вот только со свежестью были, как бы это помягче сказать, проблемы. Откуда так воняет? От Темзы, что ли?

Слова в отражениях менялись, но выборочно. Англия превратилась в Ганглию, Лондон — в Дан-Лан, а Темза осталась Темзой. Почему? Не знаю. Кто их разберет, эти отражения?

— Вы же... женщина, — прервал молодой человек мои размышления. — Какие у вас могут быть проблемы с тем, чтобы помыть да почистить? К тому же вы, насколько я помню, работали в этой сфере?

— Да, — кивнула я, сжав сумочку затянутыми в перчатки руками. — Работала.

Я не стала ничего объяснять. К чему? Долгая история, и вообще это личное! Так что если...

— Госпожа?

Я вздрогнула, обернулась, едва не налетев на мундир с сияющими пуговицами. Опять этот. С яйцом на голове. Ну что еще? Оставят меня наконец в покое, а?

— Пойдемте со мной, госпожа. Браслет.

Итак, на мне теперь тонкая, даже, можно сказать, изящная цепочка — артефакт, контролирующий передвижения и эмоциональный фон. Последнее меня расстраивало больше всего: это ж никакой личной жизни! Хотя откуда она здесь возьмется? Разве что хозяин на горничную позарится.

Так. Все! Хватит концентрироваться на грустных мыслях. Или не грустных? Я старалась отвлечь себя, только бы не наделать глупостей, потому как цепочку эту я ненавидела! Металл жег кожу при малейшем нарушении, приходилось быть осторожной.

— Держитесь, Энн. — Уилл посмотрел мне в глаза. — Всего год.

Отбившись от журналистов и распрощавшись со вздыхающим, поминутно извиняющимся неизвестно за что адвокатом, я отправилась гулять по Дан-Лану, типа «Ландану», если вспомнить уроки английского. До того как я уеду в поместье к неведомому лорду Харди, жизнь у которого приравнивали к наказанию, надо же нагуляться по городу?

«Лондон», — усмехнулась я. Город мечты. Здесь, правда, не было красных двухэтажных omnibusов, Букингемского дворца и гвардейцев в медвежьих метровых шапках, но... Но была Темза и вид на Биг-Бен — почти такие же, как в теленовостях. Интересно, под каждой цифрой огромного, семиметрового циферблата написано: «Боже, храни королеву Викторию»? Вряд ли. Королева здесь Витта Мудрая — я о ней не раз слышала.

Мимо спешили по своим делам мрачновато одетые люди (все же неистребим дух викторианской Англии!) в сером, зеленом, лиловом и черном. На их фоне двухэтажные кебы ярко-красного цвета выглядели нарядно и смешно. Представьте себе: половину автобуса тащат лошади! Словно склеили две открытки — прошлое и будущее.

Преломление отражений — странная штука. Все смешалось! Фотографы со вспышками (вот-вот вылетит птичка), старинные телефонные аппараты, турнюры, шляпки, перчатки с одной стороны, с другой — шариковые ручки, маркеры и карандаши, удовлетворяющие

взыскательного потребителя дня сегодняшнего в моем собственном мире!

Ни холеры, ни сифилиса, мышьяк ради бледности лица никто не втирает, что радовало.

Итак, я шла по мрачно одетой, не очень чистой Ганглии, радуясь, что не встречаю похоронные процессии на каждом углу. Сумка казалась тяжелее обычного. Так бывает, когда на сердце кошки скребут. Не хочется уезжать. Я ведь только привыкла! И Уилл рядом. А там? Там я никого не знаю.

На самом деле меня волновало, конечно, не это. Будущая роль горничной — вот что мучило по-настоящему. Дело в том, что «фея чистоты» из меня не...

Феи! Ну конечно же, феи! Совсем про них забыла. Феи дополняли пейзаж Лондонского зазеркалья удивительно — даже пол-автобуса-кеба не шли с ними ни в какое сравнение. В ярких искрящихся платьях, с огромными чутко подрагивающими крыльями за спиной, они редко, но все же встречались в толпе. И знаете, что самое удивительное? Никто не обращал на них никакого внимания...

Правилось мне здесь или нет, однозначно сказать трудно. Кроме фей и весьма обеспеченных граждан, которые могли себе позволить одеться получше (цветные ткани в Дан-Лане стоили баснословно дорого), все черно-серое. Город хотелось отмыть (вот уж не думала, что у меня когда-нибудь появятся подобные мысли). Сыро. Туман висит над Темзой в любую погоду. Близко к реке подходить не хотелось, и не мне одной. Если понаблюдать — никто из жителей Дан-Лана этого не делал.

От воды шел... страх. Хотя я, наверное, придумываю. Устала после суда. Надо бы зайти куда-нибудь кофе выпить, булочку съесть.

В крошечном кафе было тепло, уютно и вкусно пахло выпечкой. В такие моменты еще сильнее хотелось остаться. А что? Устроилась бы помощницей адвоката в компанию, где работал Уилл, почему нет? У них тут такие красивые карандаши! Длинные, черные, острые, как кинжалы, с мягким ластиком на конце, стирающим чисто, без разводов. Может, сами феи делают их, из собственных палочек?

Мысль развеселила. Я и не заметила, как дошла до дома, где снимала крошечную комнатку под самой крышей. Компания отца Уилла, взяв под крыло, ссудила небольшую сумму — теперь буду возвращать с зарплаты горничной. Денег как раз хватило на одежду, еду и вот эту комнатушку.

Часть денег я уже отдала: выучилась печатать на допотопной, тугой машинке, что не шла ни в какое сравнение с теми же карандашами! Проклятые отражения. То ли дело мягкая клавиатура любимого ноута или компа на работе. Печатать я любила, и, как выяснилось, подобные навыки в Дан-Лане ценились высоко. Я даже пыталась изобрести замазку (чтобы из-за одной буквы не перепечатывать весь лист), но пока, увы, безуспешно: краска осыпалась.

И все же я не сдавалась, помня американскую историю о домохозяйке, ставшей миллионершей. Домохозяйка из меня никудышная, что правда, то правда, но я была одним из ведущих топ-менеджеров крупной клининговой компании! Отвечала за поставки, работу с клиентами. Если бы замазка удалась, уж я сумела бы наладить бизнес! Однако подобные мечты придется отложить до лучших времен. Вот получу документы, стану подданной королевы Витты Мудрой без поражения в правах, а там посмотрим. Может, уговорю какую-нибудь фею помочь придать замазке эластичности, чтобы...

— Хрюк!

Я уже поднималась по узкой темной лестнице, когда мне показалось, что... Да нет. Быть не может!

Итак, о чем это я? Ах да. В общем, все идет по плану. Жива, почти устроена. Еще немного — и раздам долги. Все как у людей — не важно, в каком из миров. Но горничной-то почему?

На горестный вздох сумка вновь ответила сочувственным хрюком!

Значит, не показалось?

Я подпрыгнула, с трудом подавив вскрик: на шум тут же явится мадам Кларсон! Карлсончик, чтоб ее... Мерзкая любопытная старуха везде совала свой нос и стучала всем, от журналистов до констебля!

Не знаю, приплачивали ей или она так, из любви к искусству, но, как только я это поняла, тут же стала приличной, воспитанной барышней. Из безудержного кутежа и вредных привычек — одно пирожное в неделю и прогулки по городу.

— Хрю, — снова отозвалась сумка.

Я протянула к застежке дрожащие руки и...

— Ты?!

— Я, кто ж еще?

Это был он! Поросянок — оживший парик.

— Ты... Что? Что ты такое?

— Я откуда знаю? Сама наколдовала, — огрызнулись со дна сумочки.

— Я думала, ты... исчезло.

— Верно подмечено... С такими-то ушами я — оно! О чем только думала, ведьма проклятая?

— Что? — Еще не хватало, чтобы этот... кудлатый хрюк мне замечания делал! — Я — ведьма? Да у меня нет никакой магии! Нет — ясно?

Минипиг (а это был точно он, только вместо ушек — растрепанные букли парика) выскочил из сумки. Существо это было настолько потешное, что я, как ни злилась, не могла удержаться от смеха.

Дверь за спиной скрипнула.

— С кем это вы, милочка, разговариваете? — Крысиный вздернутый нос пролез в щелку.

— Здесь никого нет, — я отвечала спокойно, уверенно, краем глаза следя за тем, как поросенок скрылся за шторой (а я еще расстраивалась, что занавески в комнате грязно-розового цвета!). — Я не разговаривала, мадам Кларсон. Мне не с кем. С вами все в порядке?

— А! — Квартирная хозяйка, ворвавшись в комнату, рванула дверцу шкафа. Та, жалобно скрипнув, повисла на одной петле.

Это она зря: рухлядь моей комнаты требовала к себе трепетного обращения. В шкафу ожидаемо никого не оказалось.

— Где? — посмотрела на меня хозяйка.

— Понятия не имею, — я пожала плечами. — Может, под кроватью?

Кларсон, ухмыльнувшись, полезла под кровать.

— Окно? — с надеждой пробормотала старуха, чихнув от пыли.

— По-вашему, мой гость — фей? Что ж, это идея. Любownik, пока вы пытаетесь обвинить меня в непристойном поведении, преспокойно порхает поодаль. Вот вы уйдете, я распахну окно и...

Мадам Кларсон меня не слушала, она уже летела к окну! Сердце замерло. Там, за шторой...

Старуха распахнула форточку, ветер поднял грязно-розовый парус, и... под ноги моей мучительнице выкатился судейский парик!